

риале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 476 с.

2. *Ахмадиев Ш.* Детство // Татарские рассказы: начало XX века. – Казань: Магариф, 2007. – С. 227–230: на татарском языке.

3. *Ахмадиев Ш.* Человек // Татарские рассказы: начало XX века. – Казань: Магариф, 2007. – С. 256–259: на татарском языке.

4. *Губайдуллин Г.* Одна сказка // Татарские рассказы: начало XX века. – Казань: Магариф, 2007. –

С. 305–308: на татарском языке.

5. *Думаи Н.* Молодая мать // Татарские рассказы: начало XX века. – Казань: Магариф, 2007. – С. 162–167: на татарском языке.

6. *Ибрагим Т.К.* Суфийская концепция «совершенного человека» // Человек как философская проблема: Восток – Запад / отв. ред. Н.С. Кирабаев. – М.: Изд-во УДН, 1991. – С. 62–76.

7. *Свасьян К.* Проблема символа в современной философии. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1980. – 226 с.

УДК 821(4).09

Лебедев Юрий Владимирович

доктор филологических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

y.v.lebedev@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОСМИЗМ ЙЕНСКИХ РОМАНТИКОВ

В статье раскрываются религиозно-философские основы художественного мировосприятия ранних немецких романтиков.

Ключевые слова: интеллектуальная интуиция, преображение мира и человека, тысячелетнее Царство Христово, божественные основы искусства, микрокосм и макрокосм.

Романтизм как новое литературное направление возник в Германии в самом конце XVIII века. Первое поколение немецких романтиков сформировалось в университетском городе Йене. Йенских романтиков разбудила Французская революция. Но они отрицательно оценили её результаты. Буржуазное общество с его утилитарным взглядом на жизнь, с принесением духовных ценностей в жертву материальному благополучию и эгоистическому расчёту вызвало резкое их неприятие. Ф. Шлегель писал: «Повсюду мы находим теперь громадную массу пошлости, вполне сложившейся и оформленной, проникшей более или менее во все искусства и науки. Такова толпа; господствующий принцип человеческих дел в настоящее время, всем управляющий и всё решающий, – это польза и барыш и опять-таки польза и барыш» [12, с. 12].

Немецкий романтизм начался с отрицания мировоззрения просветителей, нацеленного на изменение внешнего мира, на социально-экономическую перестройку общества, на реформирование его политико-правовых норм. Немецкие романтики сделали акцент не на внешних свободах, а на духовном преображении человека. Предлагая начинать с перестройки сознания, они надеялись этим путем прийти и к более глубокому переустройству мира. Революции социальной они противопоставили революцию духовную. В полемике с просветителями они утверждали, что «мышление есть только сон чувствования, бледно-серая, слабая жизнь...» [6]. Обожевление разума приводит человека к одностороннему развитию. Формируется «одномерный» субъект, лишённый прилива благодатных бо-

жественных энергий. Растворяясь в «рассудочной сущности», человек теряет своё духовное «я».

Отрицая рационализм и атеизм французских просветителей, йенские романтики мечтали о возрождении в человеке творческой энергии, которая питается христианской верой. Они обожествляли поэтов и музыкантов, людей искусства. Музыку они провозглашали царицей всех искусств и «санскритом» природы. Романтики считали, что музыка своей звуковой гармонией улавливает и передаёт божественную одухотворённость мира.

Романтики пересмотрели взгляды на смысл и задачи искусства. Просветители видели его назначение в подражании природе. Романтики считали, что высокое искусство не подражает, а преображает природу, что оно противостоит низменным интересам обывателей, «филистеров», что оно самоценно и утилитарные цели не могут его интересовать и воодушевлять. Искусство призвано не воссоздавать действительный мир, а пересоздавать его. Главную роль романтики отводили не наблюдению, а воображению.

Мировоззренческой основой ранних немецких романтиков стала философия Шеллинга. Вселенная, по Шеллингу, развивается и растёт по целесообразным законам. Эти законы не формируются в процессе её развития, а предшествуют ему. Существует некий божественный замысел. Как в зерне содержится будущее растение, так и в божественной воле, движущей мир, заключен идеальный проект будущего гармонического устройства всего мироздания.

Грядущее торжество этой гармонии предвосхищается в произведениях одарённых художни-

ков. Поэтический гений, по Шеллингу, обладает интеллектуальной интуицией. С помощью этой интуиции он вступает в общение с Творцом и одухотворяет природную жизнь в своих произведениях. «Чувство поэзии в близком родстве с чувством пророческим и с религиозным чувством провиденья вообще» [7], – утверждал вслед за Шеллингом Фридрих фон Гарденберг, выступавший под псевдонимом Новалис (1772–1801). Искусство – высшая форма проявления творческих сил. В гениальных художественных созданиях проектируется идеальный мир, к которому устремлена Вселенная в своем развитии. В них предвосхищается будущее торжество космических стихий над стихиями разрушительными, хаотическими. Гениальный писатель является органом Вседержителя-Творца.

Романтики отводили искусству ключевую роль в познании и преобразении жизни. Поэзию они считали выше науки. «Наука лишь поспешает за тем, что уже оказалось доступным искусству» [11, с. 387], – говорил Шеллинг. «Поэт постигает природу лучше, чем разум учёного» [4, с. 79], – вторил ему Новалис. Романтики провозгласили культ «божественной гениальности». Они не любили изображать обыкновенных, заурядных людей. Они презрительно называли их «филистерами». И наоборот: поэты были в их глазах носителями божественной истины. Только им она открывалась, ускользая от глаз толпы. Немецкие романтики утвердили в поэзии XIX века образ поэта-пророка, «божественный глагол» которого будил сердца людей.

Ключевую роль в мировом процессе одухотворения Вселенной наряду с искусством играет, по Шеллингу, любовь. Это универсальное чувство, просветляющее мир. Любовью связывается в гармоническое единство идеальная основа бытия и реальное существование. Любовь между мужчиной и женщиной – одно из могущественнейших проявлений всеобщего мирового закона любви, усилием которой развивается и совершенствуется мироздание.

Весь мир воспринимается немецкими романтиками как живое и одухотворённое существо. Они верят в жизненную достоверность создаваемых ими метафор. Эти метафоры не являются поэтической условностью. Они отображают реальную одушевлённость природы. Живут и дышат лес и кусты, полевые цветы и птицы, ключи и небесная лазурь. Всюду бьётся переливающаяся через край радостная жизнь. «Сквозь пальцы, сквозь ветви и сучья, пронзённые играющим ветром, полные птичьих песен, мы чувствуем радость до самых корней», – утверждает Людвиг Тик (1773–1853). Зелёные листья тянутся у него к солнцу, «чтобы изныть от его поцелуев, чтобы погибнуть в любви и тоске». «Как хороша зелёная трава!» – говорят полевые цветы. «Как прекрасен мир!» – отвечают

им птицы. И одинокий пустынный радуется всему, что живёт на земле:

Ласковых птичек рать
Будет со мною играть,
Бабочек радужных вид
Сердце моё веселит.

Землю обнимает и одухотворяет небесная лазурь. Её божественные лучи пронизывают и оживляют всё и не приводят к аскетическому отрицанию жизни. Небо у йенских романтиков спускается на землю и животворит её. В природе и в человеке бродят божественные творческие соки:

Будут листья подниматься,
Чтоб дрожать и обниматься
В поцелуях и томленьи,
И поют о наслажденьи
Звонких птичек голоса,
И колышутся леса,
И от песен соловьиных,
Повторяемых в долинах,
Пламенеют небеса [10].

Новалис вошел в историю литературы как автор романа «Генрих фон Офтердинген», главный герой которого странствует по свету в поисках голубого цветка. Голубой цветок стал символом немецкой романтической школы, символом жизненной тайны, к познанию которой устремлено искусство. Романтики обожают человеческое воображение, творческую фантазию, сказку. В них они ищут загадку смысла жизни, тайны мироздания. «Сказка есть как бы канон поэзии. Всё поэтическое должно быть сказочным. Истинно сказочный поэт – провидец будущего, – замечает Новалис. – Только несовершенством наших органов и недостатком нашей способности ощущать себя объясняется то, что мы не видим себя в сказочном мире. Все сказки являются только снами о том родном мире, который находится и везде и нигде. Высшими силами в нас самих, которые, подобно гениям, приведут в своё время к совершенству нашу волю, являются теперь музы, которые ободряют нас воспоминаниями на этом многотрудном пути. Мне кажется, что состояние своей души я наилучшим образом могу выразить в сказке. Всё является сказкой» [7].

Герой романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» говорит: «Я вижу два пути, ведущие к пониманию истории человека. Один путь, трудный и необозримо-далёкий, с бесчисленными изгибами – путь опыта; другой, совершаемый как бы одним прыжком, – путь внутреннего созерцания» [5]. По словам исследователя немецкого романтизма А.В. Карельского, Новалис считает, что «в душе человека изначально дремлют все образы мира: каждому внешнему явлению и в целом всей природе от века соответствует некий тождественный образ в человеческой душе; требуется только, чтобы в ней раздался нужный отзвук. И самый надёжный путь для этого – не активное вмешательство в дела природы, а, напротив, созерцание, медлительное, сосредоточенное, углублённое» [3].

«Микрокосм» – точное подобие «макрокосма». Познавая себя, человек познаёт Вселенную. Эту мысль Новалис раскрывает поэтически, включая в свою повесть «Ученики в Саисе» сказку о юноше Гиацинте и девушке Розоцвет. Согласно древним легендам, в Саисе находился храм богини Изиды. Её статуя была накрыта покрывалом. Человеку, дерзнувшему снять это покрывало, открывалась тайна мироздания. Гиацинт и Розоцвет жили в одной деревне и любили друг друга. Но однажды Гиацинта охватила тоска. Он отправился в путь на поиск смысла человеческой жизни. Путешествие длилось долго. Наконец, утомлённый Гиацинт увидел пророческий сон. Он проник в этом сне в храм Изиды, сдёрнул с неё покрывало... И тут случилось чудо. Под тончайшим покровом Гиацинту открылась любимая им Розоцвет.

Такова, по Новалису, разгадка тайны мироздания. Эта тайна в душе человека, заключающей в себе весь мир. Гиацинт отправился в долгое странствие, а ответ находился рядом, в нём самом, в его любви к Розоцвет. Эту же мысль утверждает двуступенчатый Новалис:

Всё же один приоткрыл покрывало богини Саиса.
Что ж он увидел под ним? – Чудо: себя самого!

Новалис мечтает об одухотворении всего земного, всей природы. Бог спускается у него с небес на землю. В одном из стихотворений он уверяет, что Иисус Христос после воскресения вернулся к опустелому гробу и положил в него своё воскресшее тело, освятив тем самым всю землю, наделив её способностью к духовному преображению. Поэтому падшее состояние человека и природы не безнадежно. Скоро вернётся на землю Золотой век, наступит тысячелетнее Царство Христово. Люди искусства, наделённые магической властью над миром, призваны это Царство приближать.

Фридрих Шлегель так вспоминал о своём первом знакомстве с Новалисом: «С диким энтузиазмом развивал он мне в один из первых вечеров своё мнение, что нет в мире зла, и всё опять приближается к Золотому веку» [9]. «Это очень показательно для позиции Новалиса – и резко отличается от “мировой скорби”, с которой мы зачастую связываем – в основном, благодаря Байрону и “байронизму” – представление о романтизме, – отмечает А.В. Карельский. – “Мировая скорбь” – новая, хотя и близкая по времени, почти синхронная фаза романтического сознания. Новалис этого порога не переступил. В его лице перед нами – заряд положительной, созидательной, мажорной энергии романтизма в почти беспримесном её виде» [3].

Новалису казалось, что древние мифы о поэтах, управлявших миром по своей воле, – не сказка. В романе «Генрих фон Офтердинген» странствующие купцы рассказывают главному герою: «В старые времена вся природа была, вероятно, более живой и восприимчивой, чем в наше время. Мно-

гое, что теперь, кажется, едва замечают даже звери и что чувствуют и с наслаждением воспринимают только люди, в то время ощущалось даже бездушными предметами; поэтому люди, обладавшие высоким художественным даром, создавали тогда много такого, что нам теперь кажется невероятным и сказочным. Так, в древние времена, в пределах теперешнего греческого государства, как нам рассказывали путешественники, слышавшие ещё там эти предания в простом народе, были поэты, пробуждавшие дивными звуками волшебных инструментов тайную жизнь лесов, духов, спрятанных в стволах деревьев; они оживляли мёртвые семена растений в диких местностях и создавали там цветущие сады, укрощали зверей, смягчали нравы дикарей, вызывали в них кроткие чувства, насаждали мирные искусства, превращали стремительные потоки в тихие воды и даже увлекали мёртвые камни в стройные движения мерного танца. Говорят, они были одновременно прорицателями и жрецами, законодателями и врачами: своим волшебством они вызывали высшие существа, которые открывали им тайны грядущего, гармонию и естественный строй всего земного, а также свойства и целебные силы чисел, растений и всех существ. С тех пор, как гласит предание, и возникло разнообразие звуков, а также странные влечения и сочетания в природе: до того всё было дико, беспорядочно и враждебно. Странно только то, что хотя прекрасные следы этого и остались на память о благодетелях человеческого рода, но самое их искусство или же тонкое чутьё природы утратились».

Эти мифы, считал Новалис, основываются на потерянном нами ощущении взаимосвязи всего существующего. Когда мы восстановим это ощущение, вступим в эту связь, мы овладеем миром. «Мы должны стать магами, чтобы суметь быть моральными. Чем моральнее, чем согласованнее с Богом, тем божественнее человек, тем более сливается он с Богом». Силу магическому действию человека придаёт любовь. «Итак, кто хочет достигнуть ведения природы, пусть развивает своё нравственное чувство, пусть поступает и творит согласно благородной сущности своего внутреннего существа, и вот тогда как бы сама собой откроется перед ним природа. Нравственные поступки – это тот великий и единственный искус, в котором разрешаются все загадки самых многообразных явлений. Кто понимает и умеет его разбирать в строгой последовательности мысли – тот навсегда мастер Природы» [6].

У природы есть живая душа и свой нрав, с которым не хочет считаться современный человек: «Природа не желает быть исключительным достоянием отдельного человека. Превращаясь в собственность, она становится зловредным ядом, прогоняющим покой, и рождает пагубное желание захватить всё во власть собственника; желание его

ведёт за собой бесчисленные заботы и дикие страсти. Природа тайно подкапывает почву под ногами собственника и вскоре хоронит его в раскрывающейся бездне для того, чтобы переходить самой из рук в руки; таким образом она постепенно удовлетворяет своё желание принадлежать всем» [5]. «Для романтиков собственник и творец – разные лица, – отмечает Н.Я. Берковский. – Права творца они понимали, права собственника – нет. Романтическое воззрение совпадало с народным, фольклорным, по которому собственность не может создавать другую собственность, деньги не дают оснований для владения. Повсюду в природе и в жизни общества существуют авторы и авторское право. Собственники как таковые – плагиаторы» [1, с. 508].

Природа зависит от человека. В повести «Ученики в Саисе» она обращается к нему с мольбою о спасении. Её голоса говорят: «О, если бы человек понимал внутреннюю музыку природы и обладал чувством внешней гармонии... Как счастлив мог бы он быть, если б обращался с нами ласково, и вступил в наш великий союз как бывало в Золотом веке, как он справедливо его называет. В то время он понимал нас, и мы также его понимали. Его стремление стать Богом разлучило его с нами, он ищет то, чего не знаем мы и чего не можем ни знать, ни предчувствовать, и с той поры он уже больше не сопровождающий голос и не содружное с нами движение».

И далее Новалис рисует в этой повести картину наступления Золотого века дружными усилиями художников, творчески одарённых людей, осознавших своё мессианское призвание. Они «укротили разбушевавшиеся потоки, населили народами негостеприимное море» и «поставили преграды лесным наводнениям». Они «выращивали благороднейшие цветы и травы, обнажали землю для животворных прикосновений родящего воздуха и воспламеняющего света». Они «научили лес и луг, родники и скалы соединяться опять в милые сады». Они «взяли к себе бедных, покинутых животных, восприимчивых к человеческим нравам, и очистили леса от вредных чудовищ, этих уродов испорченной фантазии». И вот «природа узнала опять более ласковые нравы, она стала нежней и отрадней и готова была добровольно содействовать исполнению людских желаний». «Мало-помалу её сердце начало биться по-человечески, веселей стали её фантазии, она сделалась опять общительной и отвечала охотливо ласковому вопрошателю».

Изменяя природу, человек овладевает и самим собой. Человек-маг становится полным хозяином своего организма. Он учится врачевать самого себя и даже восстанавливать утраченные органы. Новалис мечтал о беспредельном совершенствовании человеческого тела. Ему казалось, что современный человек впал в косность и глубоко заснул. Нужно его разбудить и призвать к великому преоб-

ражению его тела. «Наши органы чувств – высшие животные. Из них вытекает ещё более высокий вид человеческого существования». «Чем одарённее человек, чем больше в нём культуры, тем индивидуальнее его органы, к примеру, глаза его, руки, пальцы» «Есть только один храм в мире – человеческое тело. Человек – это солнце, а органы чувств – его планеты». Совершенство своё тело, преобразуя его, человек у Новалиса достигает бессмертия.

В будущем Царстве Божием воскреснут и все умершие поколения. «Тогда встретятся древние осиротелые семьи, и каждый день будет видеть новые приветствия, новые объятия. Возвратятся на землю прежние её обитатели, на каждом холме зашевелится вновь затлевающий пепел, всюду вспыхнут пламена жизни, сызнова застроятся старые селения, обновятся древние времена, и история станет сном бесконечного, необозримого Настоящего».

А вот как рисует Новалис картину наступления Золотого века в романе «Генрих фон Офтердинген»: «По земле разлилась мощная весна. Все поднялось и зашевелилось. Земля неслась ближе к покрову. Месяц и облака мчались с веселым гамом на север... Со всех сторон поднимались вихри пыли, в которых вырисовывались знакомые фигуры. Они встречали толпы юношей и девушек, которые стремились в замок и восторженно приветствовали их. На многих холмах сидели счастливые, только что проснувшиеся влюбленные пары и заключали друг друга в объятия, по которым давно истосковались. Новый мир казался им сновидением, и они неустанно радовались прекрасной действительности. Цветы и деревья мощно росли и зеленели. Всё казалось одушевленным. Всё говорило и пело... Звери подходили к проснувшимся людям, радостно приветствуя их. Растения угощали их плодами и ароматами и очаровательно наряжали их...» [5].

Нельзя переоценить влияние творчества йенских романтиков на русских писателей. Поэт и философ Серебряного века Вяч. Иванов в статье «О Новалисе» писал: «С чувством удовлетворения можно сказать, что русская мысль в понимании и оценке Новалиса была, как и во всех вопросах высших духовных интересов за последнее время, – в авангарде движения. Отмечу недавно вышедшую превосходную работу, столь же содержательно глубокую, сколь живую, известного нашего германиста, петербургского профессора Ф. Брауна о раннем романтизме, во втором и третьем выпусках «Истории западной литературы XIX века», изданной под редакцией Батюшкова. <...>

Подобным же образом ученик Брауна Жирмунский в только что вышедшей прекрасной книге «Немецкий романтизм и современная мистика», утверждает: «Исторически между романтизмом и символизмом не существует перерыва мистиче-

ской традиции; только здесь более ясно и сознательно было понято и сказано то, что там казалось мечтой и странным, может быть, не воплотившимся чаением. Романтическое мирозерцание продолжало быть великой культурной силой в течение всего XIX века”. <...>

“Быть может, – продолжает Жирмунский, – всего сложнее и интереснее история современной мистики сложилась в русской литературе”. Автор указывает на Жуковского, старшее поколение славянофилов, наконец, Тютчева, который “вырастает всецело на почве мироощущения и идей немецкого романтизма”. “В то же время, однако, в этой заимствованной форме появляется подлинный религиозный дух, развивающийся из глубин русского народного сознания... В творчестве Достоевского, величайшего писателя XIX века, – вершина этого пути. Здесь открывается новая вера, земная и небесная одновременно, и эта вера – та самая, которую искали романтики, оказывается тождественной с глубочайшими основами исторического христианства”. “*Любите все создание Божье, – учит Достоевский, – и целое и каждую песчинку; каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать, все далее и более, на всяк день. И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою всемирною любовью*”» [2].

Однако в творчестве йенских романтиков, в отличие от Достоевского и его русских собратьев, был слишком ярко выражен элемент утопизма. Их взгляд на мир отличался чрезмерным прекраснотушием. Они благословляли и принимали в Царство Божие всю жизнь, во всём её объёме и полноте. Свойственное им понимание личности русский философ С. Франк назвал романтическим гуманизмом. Он писал: «Здесь преодолён рационализм просветительства, но не его оптимизм, который, напротив, лишь в новой форме и здесь является основой понимания существа человека»[8]. Будучи на словах убеждёнными христианами, романтики не брали в расчёт основной догмат христианского мировоззрения – первородную повреждённую человеческой природы. Весь мир для Новалиса – «величественный собор, с каменного основания которого поднимается суровое прошлое, в то время как из купола светлое весёлое будущее спускается ему навстречу в образе золотых ангелов». Йенским романтикам казалось, что фантазия является более

реальной, чем сама реальность, что с её помощью можно освободиться от власти материи.

Прошло немного времени, и этот оптимистический взгляд обнаружил свою утопичность. В 1806 году в Иену триумфальным маршем вошли французские войска. Покорённые Германские княжества сложили свои знамёна. Поколение поздних немецких романтиков почувствовало в земном мире торжество зла, греха и страдания. На земле существуют лишь проблески божественной красоты. Но закрепиться в ней надолго они не могут. Острее всех неизбывный драматизм современной жизни почувствовал Э.-Т.-А. Гофман.

Библиографический список

1. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – Л.: Худож. лит, 1973. – 568 с.
2. Иванов Вячеслав. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/ivanov/vol4/01text/02papers/4_162.htm.
3. Карельский А. Немецкий Орфей: беседы по истории западных литератур. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/6/ka7.html>.
4. Новалис, Тик Л., Шлегель Ф. Атенийские фрагменты. – М.: Слово, 1998.
5. Новалис. Генрих фон Офтердинген. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/INOOLD/TIK/heinrich_von_ofterdingen.txt. Далее текст романа цитируется по этому источнику.
6. Новалис. Ученики в Саисе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sunhome.ru/books/b.ucheniki_v_saise.
7. Новалис. Фрагменты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.itdevelop.ru/INOOLD/GARDENBERG/novalis_fragments.txt.
8. Франк С.Л. Достоевский и кризис гуманизма // Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов: сб. ст. – М.: Книга, 1990. – С. 391–398.
9. Цит. по: Иванов Вячеслав. О Новалисе // Вячеслав Иванов. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/ivanov/vol4/01text/02papers/4_162.htm.
10. Цит. по: Жирмунский В. Глава из книги 1914 года «Немецкий романтизм и современная мистика». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecoethics.ru/old/m05/50.html>.
11. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. – Л., 1936. – 480 с.
12. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1983. – 448 с.